

Первостольный богатырь Илья Муровец

Как во том-де во городе во Мурове,
У того было Ивана да Тимофеева,
У его-де одно было чадо милое,
Оно хворое было да нездоровое:
Не ходили у его да ноги резвые,
Не служили у его да руки белые,
Не говорил-то у его да говорок-язык.
Жил Иван — состарился
И того еще скорей переставился.
Осталось у его едино чадо,
Едино чадо, единокое,
Звали его Илья сын Иванович.
Он сидел без рук, без ног и без очи ясных,
Немного времени сидел он — тридцать лет:
Не служили его ноги резвые,
Не служили его руки белые.
Во тридцатом-то году да, во последнеем,
Приходила калика да перехожая,
И та еще сиротинушка убогая,
И попросила она его милостыни ради Христа небесного.
«Я не то тебе подать — готов сам принять,
Я сижу не много, не мало — тридцать лет:
Не служат мои ноги резвые,
Не служат мои руки белые». —
«Если ты не можешь подать, я тебе подам».
Отломил краюху хлеба белого:
«Если ты готов принять, так я тебе подам».
И подала ему краюху дара божьего.
Тогда стал он с мягкá местá,
И заслужили тогда его ноги резвые,
И заслужили руки белые,
И увидел тогда он вольный белый свет.
Тогда уже калика утерялася.
Тогда он стает на резвы ногí,
Выходит из своей комнаты.

Зашел он ко свою отцу-родителю,
Звать отца Иван да Тимофеевич:
«Что же ты, чадо милое,
И как у тебя заслужили ноги резвые,
Отчего же у тебя заслужили руки белые,
Для чего же у тя заслужил говорок-язык?» —
«Во тридцатом-то году в последнеем
Зашла ко мне калика перехожая,
Попросила у меня на милостыню.
Я сказал: „Я не то тебе подать, готов сам принять“.
Нет ли у тебя, отец, добрый конь.
Нет ли у тебя, отец, латы булатные?
Дай ты мне, добру молодцу,
Хочу съездить в стольный Киев-град
И посмотреть там князя с княгинею,
И посмотреть там всех русских богатырей».
У его-то отца-то был добрый конь.
Стоял он в погребях ровно тридцать лет,
Он ел пшenu да белоярову.
«Я тебе могу дать того добра коня».
Тогда говорит Илья Муровец:
«Пойдем-ко, отец, на твой конюшен двор,
Посмотрим мы с тобой добра коня».
Вот тогда они пошли на конюшен двор,
Посмотрели они добра коня.
Он стоял, конь, ровно тридцать лет,
Ел пшenu белоярову.
«Да нет ли у его еще латы булатные,
Да нет ли у его палица буёвая,
Нет ли у его приспехи богатырские?»
Говорил тогда отец таковы слова:
«Есть у его палица буёвая,
Есть у его копьецо буржумецкое».
Тогда говорил он отцу таковы слова:
«Дай ты мне, отец, все приспехи богатырские,
Поеду я в стольный Киев-град,
Проеду я дорожкой прямоезжею,
По которой дорожке тридцать лет никто не хаживал, не проезживал
И белый лебедь туда не пролётывал,

И черной горносталя не пропрыгивал».
Дал тогда ему отец добра коня,
Уж и как дал ему приспехи богатырские.
И тогда он садилсе на добра коня.
Не видали поездки молодецкой,
Не видали посадки богатырской,
Только видели: во чистом поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, ну дым столбом валит.
Ехал он дорожкой прямоезжею,
Приехал он к грязям черным,
И проехал он эти грязи черные:
Одной рукой он добра коня ведет,
А другой рукой он мост мостит, —
И проехал эти он грязи чёрные.
Он опять приехал ко второй заставе великой.
Тут были мужички новотóкманы,
Эти мужички за его стали грабиться.
«Уж вы ой еси, мужички новотóкманы,
У меня, у старого казака, взять-то нечего,
Только есть у меня один добрый конь,
Стоит мой-от конь рублей тысячу.
Есть у меня шуба кунья,
Стоит шуба пятьсот рублей.
И чуден крест стоит тысячу».
А мужички еще с того пуще за его стали грабиться.
Он и вырвал дубинку тяжеловесную,
Потом начал косить мужичков новотóкманов в обе стороны.
И их всех побил до единого,
И проехал вторую за́ставу.
И потом он подъехал к третьей за́ставе великой.
Тут сидел на этой за́ставе Соловей Рахматович.
Он сидел, Соловей, на семи дубах,
На семи дубах, на восьми па́дубках.
Услыхал Соловей добра молодца,
Заревел Соловей по-змеиному,
Закричал Соловей по-соловьиному.
У старого казака добра молодца
Упал добрый конь с ног на колени.
Бьет старóй добра коня по тучным ребрам:

«Уж ты ой еси, мой добрый конь!
Неужели не слыхал ты во чистом поле вороньего граянья?»
Бьёт коня по тучным ребрам:
«Ставай, мой конь, на резвы ноги!»
Тогда у его был с собой тугий лук да каленá стрела.
Заряжал он каленú стрелу в тугий лук
И спускал стрелочку, и к стрелочке приговаривал:
«Уж ты ой еси, моя стрела калёная!
Лети-ко, стрела, ты пониже облака ходячего
И пониже красна солнышка,
Залети ты Соловью в правый глаз!»
Молодец-та то был ухватчивый,
Налету он Соловья подхватывал,
И взял он Соловья, положил в карман
И поехал опять вперед по той дорожке прямоезжейей.
Потом у его пал конь с резвých ног на колени.
Бьёт коня по тучным ребрам:
«Уж ты мой добрый конь, не можешь нести меня, богатыря?» —
«На мне сидит вас два богатыря».
Тогда догонул старой добрый молодец,
Что есть у меня в кармане Соловей Рахматович.
Тогда старóй на это был догадливый,
Да вынул он Соловья из кармана,
Привязал его к хвосту конскому,
И тогда поехал опять старой преспокойно по своей дорожечке.
Он приезжает к Соловью во высокий дом,
Увидала Соловьева молода жена,
Говорила она своим дочерям:
«Дочери мои родные, едет наш Соловей,
Везет, наверно, добра молодца».
Увидали тогда его родны дочери:
«Не отец наш везет — добрый молодец отца везет».
Заходила жена на ворота высокие,
Поднимала подворотницу тяжелую.
Подъезжал старой казак к подворотнице тяжелой,
Тогда говорит Соловей Рахматович своей жене:
«Уж ты ой еси, молода жена!
Не изнимай ты подворотницу тяжелую,
Не раздражай ты добра молодца».

Тогда она упустила подворотенку тяжелую.
Говорит тогда Соловей своей молодой жене:
«Отпирай-ка ты подвалы глубокие,
Выпускай оттуда ты добрых мóлодцев
И давай добру молодцу золотой казны».
Вот тогда она отворила подвалы глубокие,
Выпустила она тридцать мóлодцев
И потом давала ему золотой казны.
«Не надо мне ваша золотая казна,
Отпускайте вы добрых молодцев
По своим местам да к молодым женám».
Тогда старой казак не дал им Соловья Рахматовича,
Отправлялся старой тогда с ним в стольный Киев-град.
Приезжал старóй в стольный Киев-град
К тому солнышку Владимиру,
У солнышка Владимира был почестен пир.
Тогда заходит старой во горницу на почестен пир:
«Уж ты здравствуешь, солнышко Владимир-князь!
Уж ты здравствуешь, княгиня-мать Апраксия!» —
«Приходи-ка ты, удалый добрый молодец,
Какой ты страны да какой Орды,
Какого ты отца, какой матери?»
Говорит на то старóй казак Илья Муромец:
«Приехал я из города из Мурома,
Из того села Карачегова.
Ехал я дорожкой прямоезжей,
По которой дорожке никто не прохаживал,
И серый заюшка не проскакивал,
И белый горноста́ль не прорыскивал».
Тут молодцы на это не поверили.
«Я привез Соловья Рахматовича».
Вот побежали смотреть Соловья да Рахматовича.
Говорят: «Ну, как же он ревет у тя по-змеиному,
По-змеиному, по-соловьиному?»
Тогда старóй казак Илья Муромец
Приказал Соловью зареветь в полúсвистá.
Тогда заревел Соловей полúсвистóм —
Все на пиру устрашались.
Тогда выходит солнышко Владимир-князь:

«Уж ты ой, Соловей ли Рахматович,
А зареви-ка еще полусвистом».
Отвечает на то Соловей да Рахматович:
«Не твое я ем-кушаю, не тебя я и слушаю».
Старой казак заставил его зареветь во весь свист.
Тогда заревел Соловей во весь свист —
У Владимира-князя все зданья поколебались,
Все столы пошатались,
И все яства на столах прирассыпались,
И дорогí вина все разливались.
Тогда старóго старика на пир все приняли
И все его принахв́алили.
Тогда приказали ему окончить Соловья ли Рахматовича.
Тогда старóй прикончил Соловья Рахматовича,
И принял он от князя Владимира дорогí дары,
Дорогí дары и великие.
(Эта старина вся.)

*(Зап. Колпаковой Н. П.: 13 авг. 1955 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от
Вокуева Гаврилы Васильевича, 73 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.